

Состояние зерновой отрасли КНР

Аннотация: Аналитическая записка посвящена проблеме продовольственной безопасности Китая и производству зерна как главного вида продовольствия в стране. Автор отмечает как несомненные успехи, достигнутые в Китае в сфере обеспечения населения продовольствием, так и проблемы, которые стоят перед китайским руководством в этой сфере. По мнению автора, несмотря на определенные неудачи в осуществлении структурной реформы в сфере предложения зерна китайскому руководству за счет стратегического видения проблемы удастся стабильно гарантировать обеспечение производственного потенциала зерна в размере свыше 650 млн т и, таким образом, обеспечить нижнюю линию продовольственной безопасности государства.

Ключевые слова: Китай, КНР, сельское хозяйство, зерно, продовольствие, продовольственная безопасность

Одним из важнейших результатов ускоренного экономического развития Китая за последние более чем 40 лет стало успешное решение проблемы продовольственного обеспечения 1,4 миллиардного населения. Увеличение почти вдвое производства главного вида продовольствия – зерна – с 360 млн т в 1978 г. до 682,85 млн т в 2021 г. и успешное развитие производства других видов сельхозпродукции позволило обеспечить предложение продовольствия, гарантирующего современный уровень потребления и перейти от принципа «ешь то, что есть» к принципу «есть вдоволь». Уровень самообеспечения основными видами зерна (рис, пшеница, кукуруза) в Китае в настоящий момент превышает 95%, душевое обеспечение зерном – 475 кг в год при среднемировом уровне 400 кг.

И это несмотря на ряд серьезных хронических ограничителей роста производства, которые действуют и сегодня – острый дефицит пашни в расчете на душу населения, а также острейший дефицит водных ресурсов при крайне неравномерном их распределении по территории страны. Обладая 9% мировой пашни и 6% пресных водных ресурсов, Китай кормит фактически 1/5 часть мирового населения.

Дальнейший рост численности населения страны, особенно городского, и повышение его уровня доходов продолжают стимулировать рост спроса на продовольствие, а изменившаяся структура потребления населения предъявляет повышенные требования к качеству, ассортименту и питательным свойствам продовольствия. В результате имеют место некоторые структурные противоречия в предложении продовольствия (в основном

кукурузы и соевых бобов), что делает продовольственный баланс напряженным, а импорт продовольствия неизбежным. Это объясняет резко возросшее в последнее время внимание руководства страны к проблеме продовольственной безопасности.

Оптимизация производственной структуры растениеводства и структурная реформа в сфере предложения зерновой отрасли были начаты в 2016 г. Однако в текущем году появились новые вызовы – угроза гибели урожая озимой пшеницы из-за погодных условий в пяти провинциях Северного Китая и запоздалый сев кукурузы и соевых бобов в связи с карантином из-за новой вспышки пандемии коронавируса в трех провинциях Северо-Востока. К этому добавился непредвиденный рост мировых цен на зерновые и растущая неопределенность самого мирового рынка.

В 2021 г. импорт Китаем сельхозпродукции составил около 1,4 трлн юаней, в т.ч. импорт продовольствия – 1,3 трлн юаней, а чистый импорт продовольствия на нужды питания – 784 млрд юаней. При этом импорт зерна на питание превысил 160 млн т, в т.ч. более 100 млн т соевых бобов и 30 млн т кукурузы. Резко возросшие мировые цены привели к существенному удорожанию общей стоимости импорта и серьезному росту масштабов пассивного сальдо Китая в мировой торговле сельхозпродукцией: в 2020 г. при росте импорта сельхозпродукции на 14% пассивное сальдо увеличилось на 32,9%, а в 2021 г. при росте импорта на 28,6%, сальдо выросло на целые 42,9%.

Однако наибольшее беспокойство китайского руководства по-прежнему вызывают хронические проблемы, сдерживающие развитие производства, особенно зернового, что проявляется в снижении темпов наращивания выхода товарного зерна. Начавшийся с конца 2016 г. процесс оптимизации структуры растениеводства позволил добиться определенных успехов: частично удалось осуществить реструктуризацию посевных площадей под зерновыми, расширить посевы соевых бобов, улучшить структуру производства риса и условия возделывания пшеницы. Однако при этом при росте инвестиций падали доходы производителей. Поскольку к началу реформы (2016 г.) цены внутреннего рынка на важнейшие виды сельхозпродукции оказались намного выше (в среднем на 30-50%) уровня мировых цен, что связано с ежегодным (начиная с 2004 г.) повышением минимальных закупочных цен и привязанных к ним дотаций под производство зерна как главной меры поддержания материальной заинтересованности производителей в условиях растущей себестоимости производства.

Реформа шла путем сокращения закупочных цен и отмены дотаций, чтобы снизить внутренние цены до уровня мировых и заставить крестьян реагировать на рыночные

сигналы, сокращая посевы «ненужных» культур. Реакция производителей была однозначной: неся убытки (при снижении закупочных цен на кукурузу только на 20% в конце 2016 г. убытки составили 20 млрд юаней), они сокращали посевы и производство кукурузы. Однако в условиях падения сравнительной эффективности производства зерновых крестьяне всячески стремились вместо нерентабельного зерна перейти к производству более прибыльных культур (хлопка и пр.), что резко усилило тенденцию увода пашни из-под зерновых и даже из сельского хозяйства. В результате сегодня реструктуризация производства фактически приостановлена, поскольку реформа оказалась слишком болезненной для производителей.

Не менее серьезной оказалась другая проблема – сокращение пахотных земель и падение их качества в результате отъема земли на нужды индустриализации и урбанизации. Поскольку доход от такого «освоения» земли в десятки раз выше, чем от земли как пашни, местные власти заинтересованы использовать больше земли под «освоение», получая от центра все новые квоты на землю под промышленное и городское строительство. За счет реквизиции сельской земли (при заниженной стоимости возмещения) и перепродажи ее по высокой цене на монопольном рынке земли местные власти получают огромные доходы (т.н. земельную ренту). Эти доходы – основной источник местных бюджетов (70-80%), т.н. «земельные финансы».

В результате на цели «освоения» ежегодно выделяется 500-600 тыс. га земли (бывшей сельской). В 2020 г., согласно ГСУ КНР, на эти цели было выделено 658 тыс. га, а доходы, официально называемые «доходами от уступки права пользования государственной землей» (бывшей сельской) достигли 8,8 трлн юаней.

В итоге, помимо крайне негативного социального эффекта, уменьшается количество пашни и падает ее продуктивность в масштабах страны. Согласно закону, при реквизиции пахотной земли необходимо восполнять размер изъятой пашни за счет земли при последующем раунде реквизиции, желательно в том же районе, чтобы соблюсти общий «баланс» пашни страны не ниже установленной «красной черты» (120 млн га). Однако при видимости сохранения общего размера пашни падает ее качество. Си Цзиньпин указывал на эту проблему еще в декабре 2013 г. на Всекитайском совещании по работе в деревне: «Индустриализация, урбанизация заняли большое количество пашни, и хотя государство здесь следует установке закона: «сколько взяли, столько верните, соблюдая баланс», отторгают больше, а возвращают меньше; занимают хорошую землю, а возвращают плохую; занимают орошаемые земли, а отдают суходольные. Такая ситуация имеет место повсеместно; особенно много изымается земли у полей высоких стандартов, за создание

которые заплачена большая цена, чтобы превратить их в поля, не подверженные засухам и наводнениям. Красная черта пашни – это не только количество, но и ее качество».

Судя по всему, негативные последствия чрезмерно активной политики «освоения» оказались настолько чувствительными для проблемы продовольственной безопасности в последнее время, что единственным способом ее решения называются административные меры в виде «системы двойной (партийной и административной) ответственности».

Тенденция замедления темпов ежегодного наращивания производства зерна продолжает оставаться предметом особой озабоченности и руководства, и экспертов. Согласно заявлению главы Школы экономики и менеджмента Сельскохозяйственного университета Северо-Востока и руководителя Научно-исследовательского центра развития современного сельского хозяйства Цуй Нинбо, «при нынешнем уровне технологий и жесткой ограниченности ресурсных условий производственный зерновой потенциал нашей страны уже близок к крайнему пределу, тенденция устойчивого наращивания производства зерна стоит перед лицом остановки, преимущества себестоимости исчезли, доходы от производства зерна упали, все меньше возможностей для маневра в политике; острая проблема будущего – «кто будет выращивать зерно?», «как выращивать?» – ждет неотложного решения». Ван Сянькуй, зам. главы комитета по сельскому хозяйству и деревне ВСНП, обращает внимание на тенденцию сокращения производства товарного зерна в основных районах зернового производства, снижение уровня самообеспечения зерном практически в большей части районов страны.

Решение указанных проблем упирается в низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Основным производителем продовольствия в стране остается мелкое распыленное семейное хозяйство крестьянского двора (с наделом земли менее 0,5 га, состоящим, как правило, из нескольких (3-5) разбросанных кусков полей) при общем числе дворов более 200 млн. Хотя за годы реформ и урбанизации с земли ушло порядка 292,5 млн рабочих силы (по данным на 2021 г.), и производительность труда в отрасли выросла более чем в 6 раз, этого недостаточно. Чтобы в разы увеличить размеры земельных наделов хозяйств, способных обеспечить эффективность производства, с земли должно уйти еще более половины численности нынешней рабочей силы, но темпы ее отлива серьезно замедлились.

Таким образом, руководству страны необходимо решать одновременно две задачи – стимулировать дальнейший рост производительности труда в агросфере и стабилизировать посевные площади и производства зерна. При этом расширяя диапазон производства

других видов важнейших культур, включая соевые бобы и масличные, которые наряду с зерном формируют новую структуру предложения продовольствия. Министр сельского хозяйства и деревни Китая Тан Жэньцзян указал на три основные направления («три опоры») решения этих задач: 1) система двойной ответственности партии и правительства; 2) обеспечение материальной заинтересованности производителей зерна; 3) решение проблемы земли и семян как основы наращивания сельскохозяйственного производства.

Если первое носит характер административного урегулирования вопросов стабилизации количества пашни и повышения ее качества, то второе должно предотвратить тенденцию падения доходов производителей и восстановить их материальную заинтересованность в расширении производства зерна. На это направлены следующие меры, которые запланированы на 2022 г.: 1) одноразовая дотация под зерновые в размере 20 млрд юаней; 2) восстановление и повышение минимальных закупочных цен на пшеницу и рис; 3) введение системы дотаций под кукурузу, соевые бобы, рис; 4) увеличение премий крупным уездам – производителям зерна; 5) закупки зерна нового летнего урожая (пшеницы) не по минимальным закупочным ценам (которые повысили), а по рыночным; 6) введение новой системы страхования полной себестоимости производства и доходов от производства трех основных видов зерна (рис, пшеница, кукуруза) во всех 13 основных провинциях – производителях товарного зерна, с охватом 100% всех крупных уездов производства зерна, на которые приходится фактически до 80% производства всего товарного зерна страны. Под новую систему страхования центральное министерство финансов выделило 28,539 млрд юаней, а всего для 189 млн крестьянских хозяйств и дворов предоставило 4,13 трлн юаней.

Третье направление предполагает оптимизацию структуры производства и наращивание пахотных земель под зерновые в следующих пяти формах: долгосрочные основные поля, поля высоких стандартов, защита черноземов, создание государственного зернового пояса безопасности, производство зерна элитного качества.

Самый обширный проект здесь – строительство полей высоких стандартов. В соответствующей «Программе строительства полей высоких стандартов страны (2021-2030 гг.)» поставлена задача: к 2025 г. построить заново 72 млн га и реконструировать 7 млн га полей высоких стандартов, а к 2030 г. планируется создать в целом 80,4 млн га и преобразовать 18,86 млн га таких полей. Из бюджета центра на эти нужды в 2021 г. выделено 22 млрд юаней инвестиций; инвестиции под строительство 1 му (0,067 га) в среднем составляют 3 тыс. юаней. Строительство полей высоких стандартов фактически представляет собой системный проект, в котором одновременно с основными природными

Л.Бони,
Состояние зерновой отрасли КНР
09.07.2022
Институт Китая и современной Азии РАН

факторами (земля, вода, леса и пр.) самым активным образом задействованы современные технологии – электрификация, механизация, ирригация, управление и пр., при этом предусматривается необходимость служб охраны, ремонта, системы ответственности. Строительство такого типа полей непременно включает процесс создания заново или улучшения верхнего пахотного слоя пашни в комплексе с сопутствующей оросительной системой, причем регулируемой, что обеспечивает повышение плодородия и способность выдерживать засухи и паводки.

Можно сказать, что практически заново воссоздается и преобразуется в высокопродуктивную пашню преобладающая часть пахотного клина страны (80,0 млн га из 120,0 млн га). Фактически в стране впервые по-настоящему приступили к решению проблемы реального повышения продуктивности пашни страны, 2/3 которой за последние 70 лет оставались низко- и средне- продуктивными. Это – реальный шаг в сторону нейтрализации влияния ресурсных ограничителей роста и важный шаг на пути к созданию более прочного фундамента стратегии продовольственной безопасности в новых условиях. Согласно планам, завершение проекта строительства полей высоких стандартов к 2030 г. позволит стабильно гарантировать обеспечение производственного потенциала зерна в размере свыше 650 млн т и, таким образом, обеспечить нижнюю линию продовольственной безопасности государства.

*Исполнитель: Бони Людмила Дмитриевна, доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая
Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН*